

О голубях и свободе

Ольга Сокова

Орловский поэт Николай Перовский – вселенский поэт, смотревший на земное с высоты, но в то же время любивший это земное, чудесное со всеми его деталями и случайностями. Бывший беспризорник, у которого было голодное детство, он научился ценить жизнь такой, какая она есть, и все же находить в ней красоту, трансцендентные источники возвышенного.

Когда читаешь Н. Перовского, невольно вспоминаются лирические пейзажные отступления Чехова. Красота выше земных судеб, ситуаций. Какое внимание к мелочам, деталям!

*Камыш на речке шепчется спросонок,
За речкой чисть-полоть! – перепела,
Мычит, мычит на выgone телянок,
Но, кажется, деревня умерла...*
(из стихотворения «Забутые»)

Связь всего земного, повенчанная с красотой, выходящая за пределы привычного, до высоты звезд ощущается в произведениях Чехова и Перовского. В стихотворении «Прозрение» Н. Перовского контраст между «милым кругом, где все живо» и далекими звездами нивелируется поэтическим мостом строчек:

*... Мы в общем хоре – все солисты,
И даже тот, кто беззолос,
В своем особенном регистре
Доносит шепот свой до звезд.*

И все же, каково отношение Николая Перовского к свободе?

*Свобода так похожа на фантом:
Проявится, продлится, исчезает,
– Так мощная река, покрывшись льдом,
Струится и до дна не промерзает.*

*Элементарно, Ватсон, жизнь – игра,
А в прикупе свобода – Божья карта –
Приоритет зла под зорсточкой д. Эра,
Ты сам – и демидур, и раб азарта.*

*Мираж удач в пустыне неудач,
Граница, как всегда, на зыбкой крошке,
А впрочем, ты свободен, как цыркач,
Ходить по струнке или реать
постромки...
(отрывок из стихотворения
«Свобода»)*

В этом же стихотворении поэт пишет: «... На свете нет свободы от себя, а значит, никакой другой свободы...». «Как же так?! – может рассудить наивный и непосредственный читатель. – Поэт, только что писавший о возможности свободы, в конце концов парадоксально заключает, что свободы никакой нет, раз нет свободы от себя...». Но как только возникает это замещение, в силу вступает первая строфа стихотворения: «Свобода так похожа на фантом...». Мощь свободы, ее неизученная, не познанная человеком до конца тайна...

Неосознанно вторя Николаю Перовскому, в своем стихотворении «Иностранка» я писала:

*Ах, свобода, струна певучая,
Что же меня ты мучаешь, мучаешь?
То покажешь во тьме язык,
То внутри своей проявишь рык!*

*То невестой моей невенчанной
Маншишь, маншишь над сенью вечности,
Под фатой не покажешь лиц –
Изменяешься каждый миг!*

Да, свобода – иностранка, фантом, мощная река, покрытая льдом. Но в наших силах, ощущая ее в себе, насылая свой внутренний мир этическими и эстетическими ценностями. И вот тогда, казалось бы, спрятавшись, свобода, вопреки утверждению, что ее нет, начинает оживать. Такое возрождение свободы, парение ощущается в произведениях Н. Перовского между строк.

Простой рассказ о девочке, влюбленной в голубей, – «Еще о голубях» – о том, как полугодная шестнадцатилетняя девушка родила ребенка и решила не отдавать его в детдом, а воспитать сама. Этот этически верный поступок главной героини – в те годы в детдоме «не кормили печеньем» – вырастает в радость свободы принятого решения. И мы читаем дальше:

*... В глазах ребенка не было грусти,
Веселый, упитанный мальчик
Крепко сжимал ручонками груди
И улыбался маленькой маме.*

*Так подрастал этот общий сын
Средь нас, голодных, не зная голода,
– Он видел, как в небе, холодом и синем
Парят настоящие голуби!*

Иоганн Готтлиб Фихте в своей книге «О назначении человека» писал, что назначение человека выходит за пределы пространства и времени, оно выше грани чувственности: «... Вопрос о том, чем я должен стать и чем я буду, превосходит мое мышление». И далее о велении долга: «... Коль скоро это веление выступает из моей личности наружу в мир, мне не о чем больше заботиться, ибо с этого момента оно переходит в руки вечной воли». Но не связано ли веление долга, исходящее от вечной высшей воли с потенциальным блаженством, счастьем, свободой человека?

Российский философ, культуролог, писатель Григорий Померанц в эссе «Свобода и любовь» пишет: «Любовь – это чувство привязанности, и в то же время она ощущается как свобода. Почему? Очевидно, она открывает какую-то новую ступень свободы, которую мы раньше недостаточно замечали, недостаточно чувствовали». Приводит стихи своей жены, поэтессы Зинаиды Александровны Миркиной:

*Мы с тобой молились, как деревья,
– Без молитв, дыханием одним,
Всем своим безмолвным устремленьем,
всем единством стихнувшим своим.*

*Приближались меркнувшие дали,
Лес светлел в преддверьи полной тьмы.
Мы с тобой молитв тогда не знали,
Но самой молитвой были мы.*

Образ молящихся деревьев концентрирует. Действительно, в реальности деревья изнутри полны сокодвижением, а снаружи кажутся замершими, словно в молитве. Концовка «Но самой

молитвой были мы...» приводит читателя к глубинному восприятию удвоенной концентрации. К ощущению внутреннего мира главных героев, которые в стихотворении внешне не выявлены никакими конкретными деталями. Только изнутри можно познать, почувствовать этих любящих друг друга людей.

А вот еще одно стихотворение Зинаиды Миркиной, как бы дополняющее вышеприведенное:

*Нас обвенчала тишина
В свой сокровенный час.
В обоих нас вошла она
Одна – в обоих нас.*

*Мы ено до краев полны,
И нам с тобой дано,
Не расслескавши тишины,
Понять, что мы – одно.*

Тишина – это внутренняя цельность, связанная со всем миром, и в то же время ее расслескать нельзя, иначе можно потерять нечто ценное, сокровенное.

В стихотворении Николая Перовского «За городом» окружающая жизнь с ее суетой описана гораздо динамичней: «... все шевелится, все теснится, звеня колечками оков». Заметьте: «колечками оков», а не кольцами или цепями... Уменьшительное значение слова подсознательно возвращает читателя в детство, где кольца оков – игра, игрушка, которую легко поломать. Танец, кружение цветочной пыльцы, расплапнутые ромашки, звон букашек рядом с бетонным городом, контраст живой природы и техногенной цивилизации выражается и во внутреннем конфликте человека: «Одной ногой увяя в асфальте, другой запутался в траве...»

В стихотворении «Муравей» Николай Перовский так описывает свою жизнь:

*Безымянный пассажир на верхней полке,
Я вписался и втянулся в общий круг,
И мотался, словно нитка на иголке,
Под вагонный перегонный перестук.*

*Понимаю, что сиротство не в награду,
Была я каждому и всякому родня,
Преплелся к человеческому стаду
Так, что не было отдельного меня.*

*Дни и годы нарастают не в награду,
Если с детства ты обоешь себя внаем,
И, с поправкой на удушью да утруску,
Остава я вселенским муравьем.*

*Я летел на дух полныи и гудрона,
Беспородный и безродный до седин,
Чтобы вдруг среди галдящего перрона
Спохватиться и увидеть – я один...*

*Облик времени неясен и неярок,
Но в наследство от дурного волшебства
Одиночество, магический подарок,
Вроде пятого туза из рукава.*

Магическая тайна, глубокий потенциал одиночества и личной свободы... Ритмика стихотворения, подобная суетливому вагонному перестуку дней и лет, дополненная зримой «картинкой» галдящего перрона, контрастирует с образом, которым наделил себя поэт – «вселенского муравья». Маленький муравей способен чувствовать всю вселенную, взаимодействовать с ней! Казалось бы, беспородность и безродность контрастирует с чудом «пятого туза из рукава» – внутренней ценностью, эквивалентом потенциального глубинного счастья.

На мой взгляд, свобода динамична, летуча, словно ветер. Парит над суетой, неудачами, над лавинами переполненных, уставших от бездуховности желудков. Она подобна музыке. Это тайна, не замеченная нами до конца. Это чудо, которому мы часто не отвечаем. И есть пути выхода к свободе: путь поэзии, творчества, танец любви, путь внутренней открытости миру. Свобода облегчает все земное, не ведет боли и слез. Не страшась гроз пусть деяний и ошибок, свобода улыбается над ними радугой. Свобода – птица феникс, возрождающая из пепла земных падений и расстройств. Казалось бы, мираж... Но если отворить сердце, поверить, впустить, то музыки свободы войдет в него и многое изменится, даже прошлое, недоверчиво смотрящее из-под козырька бытия.

*Как музыка, неуловима
Свобода вытает моя
В краях, где желудков лавины
И злости скалистой края.*

*Над парком, над озером грустным,
Подернутым дымкою грез,
Свобода вытает искусство,
Не ведая боли и слез.*

*Огромной незримой улыбки
Свобода – как радугой мост,
В днях пустых и ошибках
Являет себя в полный рост.*

*И, словно мираж, утешенье
Пустынных и пыльных дорог,
Она неудачнику шепчет:
«Плотни мой живительный сок!»*

*И если почуешь, услышишь
Ее шевеленье внутри,
То сердцу уставшую нишу
Свободе своей отвори.*

*Пусть прошлое смотрит невинно
Из-под козырька бытия –
Как музыка, неуловима
Свобода вытает моя...*

(О. Сокова, стихотворение «Свобода», 2008)